

81.0
P15

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

Т. Б. Радбиль

ЯЗЫК И МИР

ПАРАДОКСЫ
ВЗАИМООТРАЖЕНИЯ

А-368580

ДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК

II. Импликатуры дискурса в национально-обусловленных моделях фатической коммуникации в русской разговорной речи	126
<i>Прецедентные феномены в языковой концептуализации мира</i>	133
I. Прецедентные тексты в языковой картине мира.	133
II. Прецедентные тексты: «язык культуры» в речевом взаимодействии ..	143
<i>Русский язык начала XXI века в свете проблемы языковой концептуализации мира</i>	154
 ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА.	167
<i>Аномальное выражение количественных отношений в языке Андрея Платонова.</i>	170
<i>Концепт ИГРЫ в аномальном художественном дискурсе.</i>	176
<i>Природа комического sub specie языковой аномальности</i>	183
<i>Язык как среда порождения аномальных «возможных миров».</i>	194
<i>«Онтологизация негации» как аномалия языковой картины мира</i>	205
<i>«Аномалии говорящего» и «аномалии адресата» в поле диалогического взаимодействия</i>	217
<i>Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность ↔ текст»</i>	227
<i>Переводимость как феномен межкультурного взаимодействия</i>	235
<i>Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом.</i>	245
<i>Человеческий фактор в естественной языковой концептуализации числа.</i>	256
<i>Метаязыковые показатели со значением истинности в речевых стратегиях de re.</i>	264
<i>«Тело» vs. «вещь» в конструкциях с предлогом ОТ (к проблеме концептуальных различий в естественном языке).</i>	274
 ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ АНОМАЛЬНОСТИ	283
<i>Норма и аномалия в художественном тексте</i>	286
I. Норма и аномальность в парадигме «реальность — текст»	286
II. Языковая аномалия как норма художественного дискурса	296
III. Норма как аномалия.	306
<i>Художественное слово в рамках теории языковой аномальности</i>	314
<i>Вопрос о возможных классификациях языковых аномалий</i>	322
I. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии.	322
II. Прагматические аномалии в среде языковых аномалий русской речи .	344
III. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира	366

<i>Аномалии текста</i>	391
I. Аномалии текста vs. аномальный текст	391
II. Аномалии дискурса как проявление языковой девиантности	395
III. «Образ автора» и проблема нарративных аномалий	404
IV. Модус и диктум в аномальной языковой концептуализации мира	410
<i>Вопросы освоения языковых аномалий в речевой практике современного общества</i>	416
 Часть четвертая. Лингвопоэтика и нарратология	423
<i>Теория нарратива и прагматика художественного текста</i>	426
I. Постулат о невозможности бессмысленного текста в свете лингвистики креатива	426
II. К вопросу о постулатах «правильного» текста	435
<i>Интертекст в художественном повествовании</i>	440
I. «Чевенгур» А. Платонова: идеологемы христианства и коммунизма в поле интертекстуального взаимодействия	440
II. Достоевский и Платонов (Идеологемы Старого и Нового времени) ..	449
<i>Проблемы языка и стиля Андрея Платонова</i>	458
I. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке»)	458
II. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова	475
III. Мир природы в «мифологии языка» Андрея Платонова	488
IV. «Поэтика смерти» в художественной речи Андрея Платонова	492
V. «Парадоксы неконвенциональности» и язык Андрея Платонова	503
VI. «Квазиполифоническое повествование» Андрея Платонова как новая форма свободного косвенного дискурса	521
<i>Лингвистическая прагматика и проблема понимания текста (об одном рассказе Виктора Пелевина)</i>	527
<i>«Речь от второго лица»: образ адресата в лирике Иосифа Бродского</i>	537
<i>«Арзамасская галиматья» в свете теории языковой аномальности</i>	545
 ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	557
 Библиографический список	560
Источники	560
Научная, учебно-методическая и справочная литература	561
Словари	573
Электронные ресурсы	574

От автора

Эта книга обобщает результаты почти тридцатилетних исследований автора в той неуловимой и трудно объяснимой области, которую можно условно именовать «философия естественного языка». Проблема «язык и мир» — возможно, одна из самых главных антропологических проблем в истории человечества. Она, подобно воронке, втягивает в себя большинство остальных, частных проблем структурного устройства физической вселенной, познающего ее человеческого сознания, проблем цивилизации и культуры. Широко известны многочисленные философские, теологические, логические, психологические, исторические, естественнонаучные подходы к разрешению данной проблемы. Вполне оправдан также и очередной лингвистический подход.

Для меня вполне естественно объединяются в целостный «научный организм» четыре ведущие темы данной книги: (1) проблема языковой концептуализации мира; (2) логический анализ естественного языка; (3) теория языковой аномальности; (4) «лингвистика креатива». Ведь все это — проявления единой энергейтической, говоря словами В. фон Гумбольдта, сущности. В соответствии с названными темами строится композиция книги, которая включает в себя четыре части.

Главная методологическая установка, которой руководствовался автор этой книги, сформулирована еще Л. Витгенштейном: «То, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно; о чем нельзя говорить, о том следует молчать». Автор считает, что естественный язык, при условии ясности и точности мысли, далеко не исчерпал свои возможности служить языком описания по отношению к самому себе как объекту этого описания. Излишняя увлеченность формализацией метаязыка, созданием искусственных конструкторов представляется автору главным грехом современной лингвистики, противным самой природе нашего языка.

Наконец, хочется назвать людей — учителей, коллег, друзей — без которых ни этой, ни вообще каких-либо других книг автора просто не могло бы быть: это Н. М. Азарова, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, А. Вежбицкая, В. П. Григорьев, Д. О. Добровольский, Анна А. Зализняк, Е. А. Земская, Л. В. Зубова, О. С. Иссерс, Ю. Н. Караулов, М. Л. Ковшова, Н. А. Кожевникова, В. В. Колесов, Е. В. Красильникова, М. А. Кронгауз, С. А. Крылов, Г. И. Кустова, О. Меерсон,

ВВЕДЕНИЕ

Язык настолько глубоко пустил корни в личность, семью, нацию, человечество и саму жизнь, что мы никогда не можем удержаться от вопроса, не является ли язык не просто отражением явлений, но их воплощением — тем семенем, из которого они выросли.

Л. Ельмслев

Проблема взаимоотношения языка и мира имеет почтенную исследовательскую традицию, насчитывающую не одно тысячелетие религиозных, философских, научных, публицистических поисков, которые начались задолго до того, как человечество научилось составлять библиографические списки. Смелость автора этой книги с таким претенциозным названием может извинить только одно простое обстоятельство: все, что люди ни говорили бы и ни писали бы **на** языке, все, что другие люди ни говорили бы и ни писали бы **о** языке, — словом, вся совокупность говоримого **о** и **на** языке, начиная с короткой реплики в бытовом диалоге и заканчивая 20-томным толковым словарем, имеет несомненное отношение к проблеме «язык и мир».

«Мир», конечно, не сам по себе. «Мир», каким бы он ни был *per se*, — глазами человека. Если человек включается в эпистемическую перспективу в роли ее субъекта, источника информационного освоения мира — тогда должен быть постулирован и третий член — язык, орган концептуализации мира, или, по словам В. фон Гумбольдта, «орган, образующий мысль». Эта сложная диалектика языка, сознания и мира была осознана еще В. фон Гумбольдтом:

Человек думает, чувствует и живет только в языке, он должен сначала сформироваться посредством языка <...>. Но человек чувствует и знает, что язык для него — только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с его помощью. Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир, как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью, в которой чувствуется то сила, то бессилие [Гумбольдт 1985: 378].

ЯЗЫКОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

I

О концепции изучения русского языкового менталитета*

Введение

Одна из известнейших и проницательнейших философских интуиций Вильгельма фон Гумбольдта — «*Язык народа есть его дух*» — со временем наполняется все большей и большей лингвистической определенностью. С одной стороны, успехи логического анализа естественного языка и когнитивного подхода в изучении концептуального содержания языковых знаков продемонстрировали саму возможность адекватного познания стоящих за фактами языка данных человеческого опыта взаимодействия со средой, результатов человеческой познавательной и ценностной активности в мире. С другой стороны, лингвокультурологические и этнолингвистические изыскания позволили увязать указанные выше возможности с обоснованием национального своеобразия взгляда на мир и системы ценностей на конкретном языковом материале. Можно добавить в этот список еще и новые акценты, проявившиеся в сопоставительном изучении языков и культур, согласно которым от простой констатации наличия сходств или различий в языках следует переходить к содержательной интерпретации их концептуальных и этнокультурных причин.

С самого появления на Земле человек был не только существом социальным, мыслящим и говорящим — он был существом *национальным*: человек всегда ощущал принадлежность к племени, к роду, к семье как нечто сущностно важное для человеческого типа бытия в мире. И именно эта принадлежность диктовала человеку особенности взгляда на мир, ценностной ориентации в мире и практического поведения. Эта принадлежность, творчески преобразованная сознанием и пропущенная через призму ценностной и эмоционально-чувственной сферы, воплощенная в знаковых формах родного языка — и есть *национальный*, в нашем случае — *русский, языковой менталитет*.

В предлагаемой нами концепции изучения русского языкового менталитета на первый план выходит синхроническое исследование его разнообразных

* Печатается по: Рабиль Т. Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. 2011. № 3. С. 54—60.

II

Имплицитная культурно-значимая информация в естественном языке*

Введение

Проблема выявления культурно-значимой информации слов и выражений естественного языка сегодня выступает в качестве центра притяжения самых разных школ и направлений лингвокультурологической ориентированности. В отечественной науке о языке огромный вклад в разработку указанной проблематики внесла В. Н. Телия. В частности, вполне в духе новейших лингвокультурологических стратегий научного поиска звучит идея В. Н. Телия о том, что большинство языковых значений так или иначе соотнесены с тем или иным культурным кодом, который как-то «вычитывается» в словах и выражениях естественного языка в речевой практике этноса [Телия 1996: 219 и сл.]. В плане нашего исследования интересна мысль В. Н. Телия о возможных **способах** воплощения культурно-маркированной информации в языке: в одних единицах культурно-значимая информация репрезентируется на денотативном уровне семантики, а в других — на коннотативном уровне. В целях предпринятого нами исследования важно, что интерпретация последних происходит на основе рефлексивного — бессознательного или осознанного — соотношения их значения в конкретной речевой ситуации с известными говорящему культурными установками [Там же: 235].

Это указание позволяет значительно расширить сферу лингвокультурологического анализа, включив в него — помимо таких традиционных объектов, как лексемы и фразеологические единицы — и элементы, так сказать, «языковой облигаторности»: словообразовательные модели, морфологические категории, типовые синтаксические конструкции, а также разного рода неявные, скрытые, имплицитные смыслы, имеющие, предположительно, культурную значимость.

* Печатается по материалам одноименного доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия» (Проблемная группа «Лингвокультурологические исследования», Институт языкознания РАН, г. Москва, 19—21 ноября 2015 г.).

III

«Ум» vs. «разум» в национальной концептосфере: опыт «лингвистической археологии»*

Введение

I. Теоретические основы исследования

«Лингвистической археологией» я условно именуую определенный комплекс исследовательских стратегий, направленных на реконструкцию самых разных элементов духовной культуры этноса по данным языка. Это такая особенная «археология», которая призвана восстановить сферу «идеального бытия», нематериальные рефлексy духовной эволюции этноса.

По моему глубокому убеждению, именно язык дает нам самые объективные и надежные свидетельства об особенностях знания о мире, системы ценностей и норм поведения этноса, — причем язык в его самых привычных для нас, самых простых, с детства знакомых словах и формах: «В языке закреплён опыт тысячелетий психологической и культурной интроспекции его носителей, данные которого по своей надёжности никак не уступают данным экспериментальной психологии» [Апресян В., Апресян Ю. 2003: 27]. Я мог бы добавить — данные языка значительно превосходят данные экспериментальной психологии, которые уж слишком зависят от условий эксперимента и исходных установок экспериментатора. Необходимо только суметь увидеть за данными языка этот тысячелетний пласт народного опыта, народных знаний о мире, системы ценностей и норм поведения.

Язык воплощает в себе феномен этнического сознания, который, подвергаясь определенным изменениям с течением времени (речь, разумеется, идет о больших промежутках времени, исчисляемых столетиями), в своих глубинных основах остается в общем и целом неизменным. Эта диалектика стабильности и изменчивости

* Печатается по: Радбиль Т. Б. «Ум» vs. «разум» в национальной концептосфере: опыт «лингвистической археологии» // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории / Сост. О. С. Аржанова, А. А. Кузнецов, А. В. Морохин. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, 2012. С. 122—134.

АНОМАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ КВАНТИТАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЯЗЫКЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА*

Введение

Язык А. Платонова характеризуется разного рода девиантностью, что является отличительной чертой художественного дискурса писателя. Нас интересуют языковые аномалии не как формально-структурные отклонения от норм стандартного языка, но как семантические, прагматические и концептуальные сдвиги, имеющие функциональную нагрузку — отражающие особенности картины мира писателя. В частности, художественный дискурс А. Платонова фиксирует разнообразные отклонения в репрезентации пространственно-временных, субъектно-объектных, гипо-гиперонимических, причинно-следственных и иных типов отношений. В настоящей работе исследуется аномальное выражение *квантитативных отношений* на разных уровнях языка писателя.

Лексико-семантические аномалии в выражении квантитативных отношений

Для языка А. Платонова характерна аномальная парадигматическая замена лексемы с квантитативной семантикой размера на близкую, но не тождественную по смыслу. Чаще всего это происходит с признаковыми словами — прилагательными и наречиями.

Например, возможно аномальное употребление слова с семантикой общей количественной оценки (*большой / маленький, много / мало* и пр.) вместо слова, предполагающего более конкретную количественную оценку (по силе проявления признака, по объему, по частоте проявления и т. д.):

Утром было большое солнце, и лес шел всюю гущей своего голоса, пропуская утренний ветер под исподнюю листву; Созерцая ежедневно поля, звезды, огромный текущий воздух, он говорил себе: на всех хватит!; его реже мучили массивные сновидения — прилагательные;

Дыши больше, нагревай воздух — наречия.

Так, часто смешиваются слова, обозначающие разные типы количественной оценки — размер, интенсивность, скорость, возраст и пр. Например:

* Печатается по: Радбиль Т. Б. Аномальное выражение квантитативных отношений в языке Андрея Платонова // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2005. С. 542—548.

ПРИРОДА КОМИЧЕСКОГО *SUB SPECIE* ЯЗЫКОВОЙ АНОМАЛЬНОСТИ*

Введение

В работе рассматривается проблема языковой аномальности разных уровней, лежащей в основе комического.

Для начала — два общих положения, важных для нашей темы:

— Будем разграничивать природу комического и природу смешного. Смешное понимается нами как психоэмоциональный (и даже психофизиологический) механизм реакции на внешние (и внутренние) раздражители. Смеяться может ребенок, когда ему хорошо. Говорят, даже некоторые высшие животные способны на нечто вроде улыбки. Комическое же есть всегда акт семиозиса — семиотической реакции человеческого сознания на мир, которая может приобретать в том числе и эстетическое измерение. Можно сказать, комическое — это человеческий способ семиотизации смеховой стороны нашего бытия.

Современная научная парадигма философии предполагает два равноправных режима существования всего сущего, находящихся в отношениях комплементарности: всё, окружающее нас, может быть рассмотрено в модусе «реальность», и в модусе «текст». Причем «реальность — текст» противопоставлены не онтологически (как разные субстанции), а функционально (как разные точки зрения субъекта на одну субстанцию): «Знак, текст, культура, семиотическая система, семиосфера, с одной стороны, и вещь, реальность, естественная система, природа, материя, с другой, — это одни и те же объекты, рассматриваемые с противоположных точек зрения» [Руднев 2000: 10]. Смех принадлежит модусу человеческой экзистенции (реальности), комическое — это всегда мир в модусе «текст».

Семиотическая природа комического хорошо видна в способе интерпретации одного и того же события. Если в реальной жизни человеку падает на голову кирпич, нормальная реакция на это — эмпатическое сострадание. Если кирпич падает на голову в «комедии положений» — то именно сострадание будет реакцией прагматически неадекватной. В модусе «текст» такое событие нормативно рассматривается как комическое. Это мир «не всерьез», мир в модальности «как бы».

Комическое в этом смысле есть явление языка. В объективном мире, вне точки зрения наблюдателя, нет вещей или событий, смешных по природе: у них нет свойства

* Печатается по: Радбиль Т. Б. Природа комического *sub specie* языковой аномальности // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индик, 2007. С. 686—698.

В КОНСТРУКЦИЯХ С ПРЕДЛОГОМ ОТ

(К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ)*

Введение

В последнее время постклассический логический анализ языка обнаруживает значительные успехи в интерпретации ряда важных языковых моделей и механизмов через призму специфики именно человеческой категоризации действительности в языке, т. е. способов, которыми человек смотрит на мир глазами языка. Одним из таких механизмов можно считать отмеченную в работах многих когнитивистов «концептуальную воплощенность» (conceptual embodiment), понимаемую как «телесная воплощенность»: базовые концептуальные представления о теле формируют систему отвлеченных понятий нашего внутреннего мира, они в конечном счете структурируют наше обыденное мышление, отношение к миру и поведение, откладываясь в выражениях нашего языка [Лакофф 2011].

В настоящей работе мне хочется обратить внимание на одно любопытное, на мой взгляд, проявление указанной «телесной воплощенности» в русском языке. Предметом рассмотрения являются достаточно нетривиальные концептуальные различия между представлением человеческого тела и вещи / устройства, отражающиеся в некоторых русских предложно-падежных конструкциях с предлогом ОТ. Почему мы можем сказать *ножка от стула*, но не можем — **ножка от младенца*? Как мне кажется, в рамках предварительного обсуждения здесь можно постулировать, как минимум, три момента, которые и будут отправной точкой наших дальнейших рассуждений.

Тезис 1. Русский язык, по-видимому, довольно тонко реагирует на дифференциацию строения органического тела, сотворенного, так сказать, естественным путем, и конструкции вещи или устройства, сделанных из деталей, т. е. на оппозицию рожденности и сделанности — можно сказать *колесо от велосипеда*, но нельзя **нос от лица*.

Тезис 2. В рамках этой базовой оппозиции также не менее важна дифференциация между принадлежностью отчуждаемой и неотчуждаемой, т. е. между деталью и неотъемлемой частью некой целостности: поэтому мы можем сказать, *рама от окна*, потому что окно «разбирается» на стекло и раму, но не можем, например, *форточка от окна*, потому что окно не «разбирается» на форточку и оставшуюся часть.

* Печатается по материалам одноименного доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Человек в интерьере. Внутренняя и внешняя жизнь человека в языке» (Проблемная группа «Логический анализ языка», Институт языкознания РАН, г. Москва, 13–5 мая 2015 г.).

III. «Образ автора» и проблема нарративных аномалий*

Введение

Многолетнее изучение языковой аномальности привело меня к выводу, что, наряду с системно-языковыми аномалиями как отклонениями от существующего в узусе языкового правила, можно постулировать существование и так называемых «аномалий текста», которые, в свою очередь, заключаются в интуитивно ощущаемых читателем отклонениях от «прототипического нарратива». В свое время я попытался формализовать понятие «прототипический нарратив», предложив список *постулатов «прототипического нарратива»* [Радбиль 2006а]. В числе этих постулатов есть и так называемый «постулат образа автора»: даже при отсутствии реального автора-творца, в любом тексте имеется «образ автора», имплицитный специфическими «эгоцентрическими» языковыми средствами, которые обязательно присутствуют в любом тексте.

Резонно допустить, что некоторые отклонения от «прототипического нарратива» в тех или иных текстах могут быть связаны и с неадекватной актуализацией «образа автора», т. е. с определенными нарушениями в сфере субъектной организации текста. В настоящей работе я попытаюсь подтвердить это на материале художественных текстов А. Платонова.

Концепция «образа автора» как центральной категории текста, обуславливающей единство всех элементов и всех уровней структуры художественного произведения, в своем наиболее завершенном виде, как известно, была разработана В. В. Виноградовым в монографии «О теории художественной речи» (1971). В целях данного исследования особенно важно подчеркнуть, что образ автора представляет собой «концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов 1971: 118]. При этом важнейшим (но, разумеется, не единственным) текстовым воплощением «образа автора» представляется фигура Повествователя.

* Печатается по: Радбиль Т. Б. «Образ автора» и проблема нарративных аномалий // Structures and functions. Vol. 1, issue 3 (Структуры и функции. Т. 1. Вып. 3). Tallinn: Pushkini Instituut, 2014. P. 64—72.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	11
ВВЕДЕНИЕ	13
Часть первая. Проблемы языковой концептуализации мира и «языка культуры»	19
<i>Языковой менталитет и языковая картина мира</i>	23
I. О концепции изучения русского языкового менталитета.	23
II. Имплицированная культурно-значимая информация в естественном языке	33
III. «Ум» vs. «разум» в национальной концептосфере: опыт «лингвистической археологии»	45
IV. О термине и понятии «идеологема»	55
V. Функционирование общественно-политической лексики в языковой картине мира личности	68
<i>Лексика и грамматика в языковой концептуализации мира</i>	76
I. О национально-специфичных моделях концептуализации ситуации в русском языке: глаголы «стоять», «сидеть», «лежать» в контекстах бытийного употребления	76
II. Вопрос о «скрытых категориях» в контексте современной постструктуральной парадигмы лингвистического знания	86
<i>Система ценностей в языковой концептуализации мира</i>	99
I. Особенности языковой экспликации аксиосферы в русском национальном менталитете	99
II. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления: к проблеме репрезентативных контекстов. ...	108
<i>Речевое поведение в языковой концептуализации мира</i>	118
I. О некоторых русских отрицательных конструкциях в национально-специфичных речевых стратегиях	118